

Рецензии

Илья О. ДЕМЕНТЬЕВ

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия
ORCID: 0000-0001-5530-1108

Макс Вебер о России (обзор новейших публикаций)

doi: 10.22394/2074-0492-2020-4-217-229

Столетие смерти Макса Вебера спровоцировало новую волну публикаций о его творчестве. Разнообразие тем впечатляет: исследователи обращаются к анализу конфуцианства, к рецепции Вебера в Китае, к его заочному диалогу с Полем Рикёром, Мишелем Фуко и Карлом Шмиттом. Среди традиционных тем мирового вебероведения — рефлексия Вебера над историческим опытом России, русской революцией и русской литературой. Не стал исключением и 2020 год. Предлагаемый ниже обзор нескольких работ этого года поможет понять, как в сегодняшнем мире читают тексты Вебера о России. Можно предполагать, что в век глобализации, когда возможности международного академического диалога и доступа к научной литературе почти достигли предела, это чтение должно быть значительно более глубоким, чем прежде.

217

Ганс-Петер Мюллер и Штеффен Зигмунд к 150-летию Вебера в 2014 г. выпустили первое издание справочника по его творчеству, в 2020 г. к столетию смерти мыслителя увидело свет второе издание. Раздел о работах Вебера, посвященных Русской революции (русские переводы см. [Вебер 2007]), написал Харальд Блум [Bluhm 2014; 2020]; при переиздании этот текст не претерпел особых изменений. Блум характеризует интерес Вебера к России через две взаимосвязанные темы: революция и литература. Внимание Вебера к Толстому и Достоевскому — притча во языцех, оно вписано в европейский дискурс

Дементьев Илья Олегович — кандидат исторических наук, доцент Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград. Научные интересы: политическая философия, историография, интеллектуальная история. E-mail: IDementev@kantiana.ru

Ilya O. Dementev — PhD, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad. Research interests: political philosophy, historiography, intellectual history. E-mail: IDementev@kantiana.ru

о русской политической идентичности. Достоевский был важным для Вебера автором, и поэма о Великом инквизиторе из романа «Братья Карамазовы» упоминается им как иллюстрация контраста между этикой убеждения и этикой ответственности [Bluhm 2020: 245]. Еще больший интерес у Вебера вызывал Толстой. Блум не ссылается на работы российских исследователей, упоминая (со ссылкой на Э. Ханке [Hanke 1993]) лишь о намерении Вебера написать книгу об этике Толстого. После осмысления революционных событий 1905 г. интерес Вебера к России снизился. Во время Первой мировой войны он лишь изредка апеллировал к российскому опыту, но вновь вернулся к рефлексии над русским политическим опытом после революции 1917 г.

218

Некоторые статьи, опубликованные другими исследователями в 2020 г., в той или иной степени развивают тематику, заявленную в разделе, подготовленном Х. Блумом, хотя ни одна из них не содержит ссылок на него. Начать имеет смысл со статьи бразильских ученых, профессоров социологии Луиса Энрике Виейра де Созы (Федеральный университет Баии) и Рикардо Муси (Университет Сан-Паулу), которые критически пересмотрели веберовский анализ Февральской революции в России [Souza, Musse 2020]. Вебер изучал эти события с разных сторон. С одной стороны, он еще во время революции 1905 г. симпатизировал либеральной буржуазной интеллигенции (от земских учреждений до Кадетской партии) и даже выделял предпосылки, благоприятствовавшие либерализации Российской империи: шансы на экономическое развитие в силу огромных размеров государства, а также шансы на культурное развитие, свободное от бюрократической рационализации. С другой стороны, Вебер со всей трезвостью осознавал, что победа либерализма в России маловероятна в силу отсутствия широкой общественной поддержки этого движения. Ни городские слои, затронутые борьбой труда и капитала, ни аграрная элита, поддерживавшая самодержавие, не могли стать базой для этого движения.

Соза и Муси констатируют ошибочность веберовского анализа. Прежде всего он переоценил значение правовых изменений, в том числе Манифеста 17 октября 1905 г. [Ibid.: 161]. Во время февральских событий 1917 г. Вебер отказывал интеллигенции (в первую очередь эсерам и меньшевикам) в самостоятельном значении для революционного процесса. Рассуждая о Временном правительстве, Вебер пришел к заключению, что оно создает «крайне неустойчивое равновесие» [Ibid.: 162], которое приведет либо к военной диктатуре, либо к демократии. Даже в качестве отдаленной возможности, пишут Соза и Муси, он не упоминает тот вариант, который был реализован в октябре, т. е. социальную (пролетарскую) революцию. В случае продолжения войны ему казался достаточно вероятным приход

военной диктатуры, отвечавшей интересам кадровых военных, представителей буржуазии в Думе и правительстве, а также финансистов. У демократического крыла Временного правительства, к которому принадлежал А.Ф. Керенский, не было ресурсов для того, чтобы противостоять этим силам. В конечном счете Вебер полагал, что после Февральской революции Россию ждет воспроизведение прошлого опыта. По мнению бразильских исследователей, он недооценил недовольство масс, которые радикализировались в условиях неизбежного военного поражения и распада госаппарата. Но почему такой проницательный политический аналитик, как Вебер, не смог даже гипотетически представить себе ту перспективу революционного процесса, которая в итоге и реализовалась?

Соза и Муси считают, что причина в ошибочных суждениях Вебера о тех противоречиях, которые делали (не)возможными классовые альянсы: он не верил в возможность какого-либо правительства без участия буржуазии, а также, доверившись мнению Г.В. Плеханова, недооценивал возможность союза пролетариата и крестьянства [Ibid.: 165]¹. Кроме того, Вебер не заметил революционную роль, которую петроградские рабочие сыграли уже в ходе февральских событий. Стаечный процесс отражал в своей динамике усталость гражданского населения от войны и стремление к демократизации политических институтов. Наконец, падение монархии спровоцировало активизацию крестьян, которые внесли свой вклад в общую дезорганизацию социально-экономического уклада.

219

Анализ фактов и их отражения в статьях Вебера подводит Созу и Муси к выводу, касающемуся пределов его концепции типов господства. Он видел революцию как реализацию бюрократией целей, поставленных лидерами революции, посредством рациональных процедур. В этой схеме массы выполняли лишь роль декораций для борьбы политических элит. Вебер не верил в возможность спонтанного коллективного действия в современном обществе — в таких условиях невозможно было бы гарантировать эффективность принятия решений и стабильность институтов. Теоретическая близорукость Вебера тем более удивительна, что деятельность Советов, которые в конечном счете и воплотили коллективную энергию, наблюдалась уже в 1905 г., однако немецкий ученый старательно игнорировал этот опыт самоорганизации масс. В результате теоре-

1 Авторы статьи считают даже, что Вебер воспроизвел аргументацию Маркса, который в своих классических работах критически оценивал революционный потенциал крестьянства, но к концу жизни пересмотрел эти взгляды как раз по итогам анализа российского материала. Это обстоятельство осталось неизвестным Веберу.

тический догматизм привел к серьезным искажениям в анализе российской ситуации.

Бразильские исследователи оговариваются, что не хотели бы ни игнорировать эффективность рационального управления современными обществами, ни недооценивать роль элит, ни описывать массы как однородного субъекта (немецкий опыт того же времени показал, что раскол внутри масс может быть фатальным для революционного процесса). Они лишь призывают к более точному социологическому взгляду на взаимоотношения масс и элит.

Взгляд Вебера на Октябрьскую революцию можно реконструировать по тексту лекции «Социализм» в Венском университете (1918) и по докладу «Политика как призвание и профессия» (1919). В них он остается верным своим стереотипам, интерпретируя революцию как результат действий альянса радикальной интеллигенции и армейских низов. При этом интересы революционных сил редуцировались к стремлению к материальным благам. Вебер исключал какие-либо «идеальные интересы», которые могли бы стимулировать массовую поддержку большевиков. Этот анализ, кроме того, упускал из виду, что буржуазная интеллигенция, бывшая ранее в рядах революционеров, поддержала корниловский мятеж. В таких условиях большевики воспринимались массами как единственная сила, реально взявшая на себя ответственность за оборону республики и заключение мира.

220

Вебер полагал, что большевистская диктатура вскорости рухнет, поскольку она не способна управлять государственной машиной в мирное время. И в этом он также оказался неправ. Однако при всей недооценке роли масс выводы Вебера относительно большевистского режима дают повод задуматься. Он считал, что российский пролетариат не сможет эмансипироваться, социализм будет ограничивать индивидуальные свободы, а отчуждение рабочих от продуктов своего труда не будет преодолено, потому что на смену власти капиталистов придет диктат чиновников. В силу некоторых презумпций (националистические стереотипы, элитизм и убежденность в росте эффективности рационального управления) он не видел политическую перспективу не только для России, но и для Германии. Он также был глух к аргументам немецких социалистов, которые, не принимая большевистскую систему, продвигали принципы социалистической демократии. Эта демократия в форме Советов, расширяющих практику политического воспитания масс и поощрения их творческого самовыражения без авторитарных эксцессов, Веберу была малоинтересна, если он ее вообще заметил.

Статья Виейро де Созы и Муси интересна своим подчеркнуто уважительным, но критическим отношением к веберовскому анали-

зу. Характерно, что авторы обошлись вообще без российской (как и, по сути, западной) историографии истории Русской революции. Вся ревизия взглядов Вебера опирается на его же тексты, а постулирование тезисов о реальной роли революционных масс или поведении буржуазных элит в России происходит на основе общих знаний по истории страны. Публикации российских коллег о рецепции Русской революции в творчестве Вебера также авторам статьи неизвестны (за исключением статьи Э.Н. Ожиганова [Ozhiganov 2019]).

Подобный подход демонстрирует и другая бразильская исследовательница. Глаусия Вилас Боас, профессор социологии Федерального университета Рио-де-Жанейро (Бразилия), опубликовала статью «Макс Вебер, читатель Толстого» [Villas Boas 2020]. Охарактеризовав долгую историю рецепции Вебера в Германии и Бразилии, она обращается к докладу Вебера «Наука как призвание и профессия». По ее мнению, несмотря на то что этот текст хорошо известен, он остается непонятым прежде всего в контексте глубоких размышлений Вебера о науке, о сущности профессии ученого, об экзистенциальной драме ответственности человека перед самим собой за свои действия [Ibid.: 312].

Переходя к размышлениям Вебера над вопросами смысла жизни, смерти и науки, Вилас Боас цитирует доклад Вебера: «А так как бессмысленна смерть, то бессмысленна и культурная жизнь как таковая — ведь именно она своим бессмысленным “прогрессом” обрекает на бессмысленность и самое смерть. В поздних романах Толстого эта мысль составляет основное настроение его творчества» [Вебер 1990: 714—715].

В этом месте происходит любопытное смещение смысла, обусловленное тем обстоятельством, что Вилас Боас цитирует португальский перевод доклада Вебера (1970), в котором слова оригинала переданы как *últimas obras*, т. е. «поздние произведения». У Вебера сказано о поздних романах: «Überall in seinen späten Romanen findet sich dieser Gedanke als Grundton der Tolstojischen Kunst» [Weber 1992: 88] («Везде в его поздних романах обнаруживается эта мысль как основной тон толстовского искусства»). Вилас Боас игнорирует веберовскую ссылку на романы и находит толстовский подтекст доклада в повести «Смерть Ивана Ильича». Умирающий Иван Ильич страдает оттого, что никто не может оказать ему поддержку, которая придала бы смысл его смерти. Характерен эпизод медицинского осмотра героя: строгий, подобно юристу в зале заседания, врач уклоняется от ответа на вопрос Ивана Ильича, опасна его болезнь или нет. Исполняя свой профессиональный долг, он остается безучастным к страданиям больного; точно так же Иван Ильич не получает поддержки ни от коллег, ни от близких, его не утешает даже мысль о своей безупречной службе закону.

Вилас Боас перечитывает по этому поводу Вебера. Следующий ниже пассаж напоминает ей о драме Ивана Ильича перед лицом смерти.

Или возьмите такое высокоразвитое в научном отношении практическое искусство, как современная медицина. Всеобщая «предпосылка» медицинской деятельности, если ее выразить тривиально, состоит в утверждении, что необходимо сохранять жизнь просто как таковую и по возможности уменьшать страдания просто как таковые. А сама эта задача проблематична. Своими средствами медик поддерживает смертельно больного, даже если тот умоляет избавить его от жизни, даже если его родственники, для которых жизнь больного утратила ценность, которые хотят избавить его от страданий, которым не хватает средств для поддержания его жизни, утратившей свою ценность (речь может идти о каком-нибудь жалком помешанном), желают и должны желать смерти такого больного, признаются они в этом или нет. Только предпосылки медицины и уголовный кодекс мешают врачу отказаться поддерживать жизнь смертельно больного. Является ли жизнь ценной и когда? Об этом медицина не спрашивает. Все естественные науки дают нам ответ на вопрос, что мы должны делать, *если* мы хотим *технически* овладеть жизнью [Вебер 1990: 719—720].

222

Особенно важным Вилас Боас считает суждение Вебера о том, что наука есть техническое средство овладения жизнью, которое снабжает нас адекватными прогностическими средствами. В этом контексте наука вносит рациональность в поведение людей, делает возможным принятие решений.

Оценивая эти взгляды в более широком контексте (сопоставляя мнение Вебера с позицией Георга Зиммеля, а затем с критической традицией от З. Фрейда до Т. Адорно, М. Хоркхаймера и Н. Элиаса), Вилас Боас в конце статьи задается вопросами, на которые, похоже, не находит однозначных ответов. Вебер внушает студентам мысль о том, что профессиональная самореализация сама по себе обеспечивает развитие личности, ценна уже преданность делу, доходящая до самопожертвования. Зиммель, однако, предупреждал, что личность не может совершенствоваться в мире, который отчужден от собственной культуры; пороки технократизма, приведшего к трагическому расхождению Цивилизации и Культуры, вынуждают ученого задуматься над теми этическими вопросами, от которых пытался уберечь Вебер. С учетом этого, спрашивает Вилас Боас, будет ли актуальной сегодня «суровая веберовская педагогика» [Villas Boas 2020: 318]? Или его доклад как раз благодаря этой суровости заставляет нас переосмыслить этические императивы профессиональной деятельности ученых? Вилас Боас констатирует, что Вебер дистанцируется от обсуждения вопроса, ставшего столь важным для критической теории. Статья Вилас Боас — любопытный пример

того, как работает современный исследователь. Воспользовавшись португальским переводом «Науки...», она ошибочно трактует слова Вебера о «поздних романах» как о «поздних произведениях» и соответственно расширяет круг возможных источников в ходе поиска толстовского подтекста веберовской мысли¹.

Характерно также, что Г. Вилас Боас не демонстрирует никакого знакомства с российской литературой по теме «Вебер и Толстой». В нашей стране эти сюжеты обсуждались многими исследователями. В статье Ю.Н. Давыдова [2006: 101] сопоставляются две этические парадигмы: «...этико-ответственно понятое бытие — это *бытие перед лицом смерти*, как вскоре после Вебера скажут экзистенциальные философы... Между тем как бытие, толкуемое в духе толстовской этики любви, — это *бытие перед лицом бессмертия*». Ю.Н. Давыдов приходит к выводу о разном понимании ответственности у Толстого и Вебера («ответственность за настоящее» и «ответственность за будущее»), усложняя традиционный взгляд на оппозицию «этики убеждения» и «этики ответственности». Не следовало бы учесть эту рефлексию в оценке толстовского подтекста веберовского доклада?

В.А. Куренной [2010] сопоставил представления Вебера и Толстого о ценностной нейтральности университетской науки, т.е. именно о том, чему посвящена статья Вилас Боас. Исследователь обратился к ранней статье Толстого «Воспитание и образование» (1862), которой Вебер, по всей видимости, не знал. Оба автора согласны: «...у преподаваемой науки отсутствует рационально обоснованное право на формирование у учащихся неких ценностных установок и предпочтений» [Там же: 60]. Различия между ними касаются как исходных предпосылок, так и понимания конфигурации взаимоотношений университета и публики (толстовский элитизм в трактовке сферы публичного противопоставлен здесь веберовскому демократизму). Вывод Куренного, несомненно, заинтересовал бы Вилас Боас: «Для Толстого наука должна быть ценностно нейтральна, потому что эта нейтральность нормирована более высокой ценностью — ценностью свободы обучающегося,

1 Разумеется, могло быть так, что Вебер действительно имел в виду «Смерть Ивана Ильича», скажем, назвав это произведение романом (ein Roman), хотя в немецких переводах оно известно как рассказ (eine Erzählung) или повесть (eine Novelle). Было бы логично, если бы исследовательница постаралась выявить, читал ли Вебер вообще «Смерть Ивана Ильича». Для этого можно было бы мобилизовать имеющийся в нашем распоряжении биографический материал. Комментаторы собрания сочинений Вебера отмечали эту повесть среди прочих, где Толстой занимается вопросом смерти [Weber 1992: 87], однако степень знакомства немецкого мыслителя именно с этим произведением не обсуждали. Х. Тюрель [1992: 30] констатировал созвучие мыслей Вебера в «Науке...» с рассказом Толстого «Три смерти», но также без развертывания аргументации.

которая только и может привести к свободному согласию с определенной системой ценностей. Для Вебера же она должна быть ценностно нейтральна, потому что таков ценностный выбор самого ученого, который уже ничем другим не нормируется, более того, не нормируется и с имманентной позиции ученого» [Там же: 62].

К.Е. Троицкий предложил комплексный анализ веберовской рефлексии над творчеством Толстого в формате вариаций на четыре темы: «этика убеждения» по итогам революции 1905 г.; «акосмическая любовь» (бегство и смерть); пацифизм и «борьба богов» (Первая мировая война) и смысл жизни/смерти (Октябрьская революция) [Троицкий 2014] (англоязычная версия статьи [Troitsky 2014]). К его выводам, думается, могла бы присоединиться и Вилас Боас: «Лев Толстой стал тем элементом, с помощью которого Макс Вебер формирова́л свои этические соображения, и хотя в основном это было сделано в резкой оппозиции к идеям, которые олицетворял Толстой, но без этого собственные этические мысли Вебера в дошедшем до нас виде были бы невозможны» [Там же: 213–214].

Все эти публикации имело бы смысл учесть Г. Вилас Боас, они существенно дополнили бы контекст, не говоря уже о том, что оправдали бы название «Макс Вебер, читатель Толстого» (на самом деле статья не совсем отвечает заголовку). Однако, кажется, бразильская исследовательница не читает по-русски (правило *Rossica non leguntur* знает очень мало исключений в мировой науке). Предположение о параллели между рассуждением Вебера и «Смертью Ивана Ильича» кажется остроумным, но недостаточно обоснованным, пусть даже оно опирается на пресуппозицию о некотором единстве мировоззрения позднего Толстого.

В год столетия смерти немецкого мыслителя тема «Вебер о России» не могла не заинтересовать и российских исследователей. Этот сюжет давно и плодотворно разрабатывает профессор Российского государственного гуманитарного университета Н.В. Ростиславлева. В 2020 г. свет увидели две ее статьи о восприятии Вебером России в 1905–1917 гг. [Ростиславлева 2020a] и в 1906–1918 гг. [Ростиславлева 2020b]. Сдвиг хронологических рамок от одной статьи к другой не объяснен, а текст обеих статей во многом совпадает в той части, которая относится к 1905–1917 гг. Ниже я сосредоточусь на первой статье.

Н.В. Ростиславлева отмечает [2020a: 172], что Россия стала сферой интересов Вебера в 1905 г., когда он был в Гейдельберге и участвовал в дебатах по поводу революции в России. Между тем в литературе указывались и более ранние даты. В. Моммзен [Mommesen 1997: 1] отмечал, что опосредованно Россия обратила на себя внимание Вебера в начале 1890-х годов в связи с его размышлениями над польским вопросом и в 1904 г. во время Русско-японской войны, когда он находился в США.

Причины внимания Вебера к России давно уже обсуждаются в науке. В известной статье «Макс Вебер и Россия» (1955) Ричард

Пайпс постулировал, что этот интерес коренился, с одной стороны, в веберовском национализме и его озабоченности судьбой Германии, а с другой — в его философии истории. В тотальной рационализации, ставшей важнейшей чертой развития западного общества, Вебер видел угрозу для индивидуальной свободы, тогда как Россия имела шансы избежать этой перспективы [Pipes 1955: 373, 380].

Ни о чем таком Н.В. Ростиславлева не пишет, так что не очень понятно, означает ли это игнорирование незнание предшествующей традиции или несогласие с ней. Объяснение внезапно пробудившегося интереса к России дано предельно лаконичное: «Импульсом повышенного внимания к России стала Первая русская революция» [Ростиславлева 2020а: 172]. В статье, впрочем, говорится, что «веберовское понимание российских событий 1905–1906 гг. оценивается отечественными историками и философами по-разному» [Там же: 173]. Далее сравниваются мнения А.Б. Рахманова, А.С. Кустарева и Ю.Н. Давыдова. Почему только «отечественные историки и философы» удостоились такого внимания? В чем причины игнорирования разнообразных публикаций зарубежных исследователей за последние 65 лет — от Р. Пайпса до Х. Блума? Трудно объяснить также отсутствие в ряду «отечественных историков и философов» Т.А. Дмитриева, который в недавних статьях обсуждает ту же тему — веберовскую рецепцию русского революционного опыта (с акцентом на событиях 1917–1918 гг.) [Дмитриев 2017; Dmitriev 2017].

225

Н.В. Ростиславлева упоминает, что Вебер выучил русский язык, чтобы читать русскую периодику. Он изучал русские события при помощи находившегося в революционные годы в Гейдельберге Б.А. Кистяковского. В статье содержится добросовестный пересказ статей Вебера о русской революции: отмечены и его сомнения в перспективах либералов, и его представление об угрозах свободе, исходящих от капитализма. «М. Вебер, — подчеркивает Н.В. Ростиславлева, — пытался определить основы исторической традиции в России и видел их в православной церкви, крестьянской общине и абсолютной власти царя, которая, по его мнению, была воспринята еще от татарских времен» [Там же: 174]. Н.В. Ростиславлева констатирует, что в годы мировой войны М. Вебер считал, что Россия угрожает «общему культурному развитию Запада»: «Культура была одной из ведущих ценностных установок ученого, которая также определяла восприятие России» [Там же: 177]. Такое категоричное суждение расходится, скажем, с более нюансированной интерпретацией, которую предлагал Р. Пайпс. Очевидно также, что подобное восприятие должно трактоваться в контексте событий Первой мировой войны. Насколько оправданно придавать ему статус общей «ценностной установки» Вебера в отношении России? Не требует ли оценка «восприятия России» учета, к примеру, веберовской рецепции творчества Толстого и Достоевского?

В статье Н.В. Ростиславлевой есть ряд ценных сведений, действительно важных для понимания веберовских воззрений на Россию и, в частности, на русскую политическую жизнь¹. Главный вывод статьи таков: «М. Вебер никогда не был в России и полного понимания фактов российской действительности едва ли можно от него ожидать... Россия долгое время была в фокусе интересов ученого, но в его интерпретацию свободы и демократии она не вписывалась» [Там же: 177–178]. Этот вывод вызывает много вопросов. Если бы Вебер и побывал в России, это также не гарантировало бы ему «полного понимания», как не было «полным» — независимо от (не)верности — понимание нашей страны Ж. де Местром или А. де Кюстином. И как понять мысль о том, что Россия «не вписывалась» в веберовскую интерпретацию свободы и демократии? Она как раз вписывалась, пусть даже Вебер был критически настроен по отношению к российской политической системе или к потенциалу русского либерализма. Если же считать, что Вебер ошибался в своих оценках, то надо это доказывать. Скажем, Н.В. Ростиславлева отмечает, что «в представлении ученого у свободы в России не было шансов» [Там же: 175]. Аргументация Вебера в целом известна, причем не только по его статьям. Ее общий стиль улавливается в свидетельствах мемуаристов. Так, полемизируя в Вене с Йозефом Шумпетером по поводу революции 1917 г., Вебер предрекал, что российские события обернутся «ужасной катастрофой» и несчастьем для людей. «Может быть, и так, — ответил ему Шумпетер, — но это будет прекрасная лаборатория для нас». — «Лаборатория, заваленная трупами!» — парировал Вебер [Somary 1959: 171]. Российский опыт XX в. был противоречив, но, возможно, Вебер оказался в этом предчувствии не так далек от реальности.

Исследователи, занимавшиеся этой темой до Н.В. Ростиславлевой, также критиковали Вебера, но порой более убедительно. Р. Пайпс [Pipes 1955: 380] упрекал его в том, что, констатируя историчность лишь трех институтов — общины, церкви и монархии, он игнорировал либеральную традицию в российской истории (по меньшей мере с XVIII в.). Пайпс также проницательно заметил, что Вебер, отказывая себе в намерении предсказывать будущее, занимался в своих статьях о русских революциях именно этим [Ibid.: 394–395]. В. Моммзен констатировал некорректность прогноза Вебера относительно недолговечности большевистского режима, на смену которому должен был прийти более агрессивный и империалистический режим (если, ого-

1 В частности, Н.В. Ростиславлева подробно рассматривает важный сюжет — историю публикации письма Вебера об «обновлении России», вышедшего в газете «Русские ведомости» в 1909 г., цитируя его, правда, почему-то по републикации в немецком собрании сочинений Вебера, а не по отечественному изданию.

варивается Моммзен, не считать того, что Сталин хотя бы частично реализовал этот прогноз [Mommmsen 1997: 17]. Х. Блум отмечал лакуны в веберовском анализе российской действительности: он не комментировал критику русской интеллигенции в «Вехах» (1909), хотя некоторые оценки авторов сборника были созвучны его размышлениям. Удивлял Блума [Bluhm 2020: 246] и схематизм Вебера, проигнорировавшего введение всеобщей воинской повинности в России (1874), тогда как именно эта мера устанавливала модель национального государства вопреки традиционному общественному порядку.

Макс Вебер профессионально занимался русскими сюжетами — от конституционализма до творчества Льва Толстого. Его подход выгодно отличался от подступов к этой теме со стороны многих других западных интеллектуалов: он читал по-русски, общался с русскими собеседниками, мог оценить по достоинству высшие достижения русской литературы. В то же время его взгляд — как взгляд любого мыслителя — был ограничен чем-то, например недостаточным знанием контекста или культурно обусловленными предрассудками. Тем не менее тема «Вебер о России» снабжает не одно поколение исследователей материалом для рефлексии над множеством вопросов — от специфики российской политической системы до ценностной нейтральности самодостаточного научного знания. И проницательность Вебера, и ошибочность его прогнозов объективно полезны, потому что дают возможность более трезво взглянуть на роль интеллектуала в общественной жизни и в межкультурном диалоге. Пульсирующая мысль Вебера стимулирует следующие поколения исследователей высказывать новые гипотезы, искать подтексты, расширять ретроспективу.

227

При этом неизбежна критика (одни считают, что Россия не вписывается в веберовскую концепцию демократии, а другие — что демократия не вписывается в его концепцию революции), однако есть основания полагать, что сам Вебер [1990: 712] отнесся бы к этому с пониманием, потому что «каждый из нас знает, что сделанное им в области науки устареет через 10, 20, 40 лет. <...> Мы не можем работать, не питая надежды на то, что другие пойдут дальше нас. В принципе этот прогресс уходит в бесконечность». Единственное, что, может быть, при этом трудно объяснить, — отсутствие интереса к работам предшественников. Конечно, незнание фактов лучше, чем их искажение. Но можно ли установить точную границу между незнанием в силу объективных затруднений (например, языковых, когда бразильский ученый не читает по-русски) и «незнанием сознательным», когда экономия усилий по выявлению аргументов и выводов предшественников высвобождает исследователю время для выстраивания собственного рассуждения?

Вебер дает лишь самый общий совет: «...нужно обратиться к своей работе и соответствовать “требованию дня” — как человечески, так

и профессионально» [Там же: 735]. Все мы бываем *ленивы и нелюбопытны*. Тем не менее, возможно, требование дня таково, что наш человеческий долг — проявлять любопытство, а профессиональный — бороться с ленью. В принципе этот прогресс уходит в бесконечность.

Библиография / References

Вебер М. (1990) *Избранные произведения*, М.: Прогресс.

— Weber M. (1990) *Selected works*, М.: Progress. — in Russ.

Вебер М. (2007) *О России: Избранное*, М.: РОССПЭН.

— Weber M. (2007) *About Russia: selected works*, М.: ROSSPEN. — in Russ.

Давыдов Ю.Н. (1994) Макс Вебер и Лев Толстой (К проблеме соотношения этики убеждения и этики ответственности). *Вопросы литературы*, 1: 77-105.

— Davydov Yu. (1994) Max Weber and Leo Tolstoy (On the relationship between the ethics of conviction and the ethics of responsibility). *Russian Studies in Literature*, 1: 77-105. — in Russ.

Давыдов Ю.Н. (2006) Этика убеждения и этика ответственности: Макс Вебер и Лев Толстой. А.А. Гусейнов (ред.). *Этическая мысль*. М.: Институт философии РАН, 7: 83-109.

— Davydov Yu. (2006) The ethics of conviction and the ethics of responsibility: Max Weber and Leo Tolstoy. A. Gusseinov (ed.) *Ethical Thought*, М.: Institute of Philosophy RAS, 7: 83-109. — in Russ.

Куренной В.А. (2010) Лев Толстой и Макс Вебер о ценностной нейтральности университетской науки. *Вопросы образования*, 3: 48-74.

— Kurennoy V. (2010) Leo Tolstoy and Max Weber on value neutrality of university research. *Educational Studies (Moscow)*, 3: 48-74. — in Russ.

Ростиславлева Н.В. (2020а) Макс Вебер о России в 1905-1917 гг.: ценностные суждения или «полное понимание фактов». *Ученые записки Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки*, 162 (3): 171-180.

— Rostislavleva N.V. (2020a) Max Weber about Russia of 1905—1917: Value judgments or “full understanding of the facts”. *Scientific notes of Kazansky University. Humanities Series*, 162 (3): 171-180— in Russ.

Ростиславлева Н. В. (2020b) Макс Вебер о России в 1906—1918 гг. *Диалог со временем*, 72: 79-91.

— Rostislavleva N. (2020b) Max Weber about Russia in 1906-1918. *Dialogue with time*, 72: 79-91. — in Russ.

Дмитриев Т.А. (2017) Русская революция как опытное опровержение социализма: версия Макса Вебера. *Социологическое обозрение*, 16 (3): 87-110.

— Dmitriev T.A. (2017) The Russian Revolution as an Experimental Refutation of Socialism: Max Weber's Version. *Russian Sociological Review*, 16 (3): 87-110.

Троицкий К.Е. (2014) Макс Вебер как Анти-Толстой. А.А. Гусейнов (ред.). *Этическая мысль*, М.: Институт философии РАН, 14: 200-216.

- Troitsky K.E. (2014) Max Weber as Anti-Tolstoy. A. Gusseinov (ed.) *Ethical Thought*, M.: Institute of Philosophy RAS, 14: 200–216. — in Russ.
- Тюрель Х. (1999) Интеллектуальная религиозность, семантика «смысла», этика братства — Макс Вебер и его отношение к Толстому и Достоевскому. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2 (4): 23–32.
- Tyrell H. (1999) Intellectual Religiousness, Semantics of “Sense”, Ethics of Fraternity — Max Weber and its Relation to Tolstoy and Dostoevsky. *Journal of sociology and social anthropology*, 2 (4): 23–32. — in Russ.
- Bluhm H. (2014) *Zur Russischen Revolution von 1905 (1905—1912)*. H.-P. Müller, S. Sigmund (eds). *Max Weber-Handbuch. Leben — Werk — Wirkung*, Berlin: J.B. Metzler: 190–197.
- Bluhm H. (2020) *Zur Russischen Revolution von 1905 (1905—1912)*. H.-P. Müller, S. Sigmund (eds). *Max Weber-Handbuch. Leben — Werk — Wirkung*, 2, aktualisierte und erweiterte Auflage, Berlin: J.B. Metzler: 239–246.
- Dmitriev T. (2017) Max Weber and Peter Struve on the Russian Revolution. *Studies in East European Thought*, 69 (4): 305–328.
- Hanke E. (1993) *Prophet des Unmodernen: Leo N. Tolstoi als Kulturkritiker in der deutschen Diskussion der Jahrhundertwende*, Tübingen: Max Niemeyer.
- Mommsen W. (1997) Max Weber and the Regeneration of Russia. *The Journal of Modern History*, 69 (1): 1–17.
- Ozhiganov E. (2019) Weber’s and Sorokin’s Analytical Treatment of the Russian Revolutions. *Russian Sociological Review*, 18 (2): 120–137.
- Pipes R. (1955) Max Weber and Russia. *World Politics*, 7 (3): 371–401.
- Somary F. (1959) *Erinnerungen aus meinem Leben*, Zürich: Manesse.
- Troitsky K. (2014) Max Weber As an Opposite of Tolstoy. *Social Sciences*, 45 (4): 63–73.
- Vieira de Souza L.E., Musse R. (2020) A análise política por Max Weber da Revolução de Fevereiro de 1917: um balanço crítico. *Política & Sociedade*, 19 (45): 152–177.
- Villas Bôas G. (2020) Max Weber, leitor de Tolstoi. *Estudos avançados*, 34 (100): 307–320.
- Weber M. (1992) *Gesamtausgabe*. Band 1/17: Wissenschaft als Beruf 1917/1919/Politik als Beruf 1919. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).

Рекомендация для цитирования:

Дементьев И.О. (2020) Макс Вебер о России (обзор новейших публикаций). *Социология власти*, 32 (4): 217–229.

For citations:

Dementev I.O. (2020) Max Weber on Russia (Review of the Latest Publications). *Sociology of Power*, 32 (4): 217–229.

Поступила в редакцию: 20.12.2020; принята в печать: 25.12.2020

Received: 20.12.2020; Accepted for publication: 25.12.2020